

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 936-947.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.936
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Prisoners of Tobolsk Prisons at the end of the XIX century: A Socio-Demographic Portrait on Materials of the 1897 Census

Elena A. Brukhanova ^{a, *}, Oksana I. Chekryzhova ^a

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

Siberia in the XIX century was unalterably called the "krai of exile", which was due to the need to solve a state problem – the colonization of the outskirts. The forced relocation significantly influenced both on the structure of the region's population and on the economic and cultural development of the territories. By the end of the XIX century the largest convict prisons of Siberia remained only in Tobolsk and Irkutsk. In view of this, the study of various aspects of the exile system and penitentiary institutions of Siberia is relevant for historical research.

The article presents the analysis of prisoners in Tobolsk prisons as a special social element of the urban population at the turn of the XIX-XX centuries. It is worth noting that at this period four penitentiary institutions of all three categories existing at that time in the Russian Empire were located in Tobolsk: a prison castle, which also acted as a transit prison, two hard labor prisons and a special sections of prisons.

The primary and statistical materials of the First General Census of the Russian Empire in 1897 were the main source of data. The census forms preserved unique and fairly complete information about prisoners of all prisons in Tobolsk, which made it possible to consider in detail a number of socio-demographic indicators of prisoners: sex and age, marital status, religious confession and mother tongue, social and professional identification data, migration and/or routing of convicts.

A comparison of the general characteristics of the inhabitants of prisons and the urban population on materials of the 1897 census confirmed the significant influence of prisoners on the socio-demographic «portrait» of the city according to a number of indicators such as the number of male employable population, Mohammedans, immigrants from other gubernias. In our opinion, this should be taken into account when conducting various directions of historical research. Thus, the prisoners, according to the indicators, can be considered as a separate social group of the urban population in Siberia at the turn of the 19th-20th centuries.

Keywords: prisoners, hard labor prison, social structure, city, the 1897 Census, GIS, Tobolsk, Siberia

1. Введение

Изучение сибирской ссылки и каторги XIX – начала XX вв. продолжает привлекать к себе внимание исследователей и остается актуальным, несмотря на большое количество изданных работ. Одним из наиболее сложных моментов является определение размеров «принудительного переселения», что связано с отсутствием достоверной статистики по водворению ссыльных в Сибирь во второй половине XIX в. Например, Е.И. Соловьева указывала на цифру в 543,8 тыс. ссыльных вместе с членами семей за 1861–1898 гг. (Соловьева, 1983: 215), по сведениям А.Д. Марголиса, к 1898 г. в Сибири находилось 310 тыс. ссыльных всех категорий (Марголис, 1978: 135), а по подсчетам М.В. Шиловского за 1864–1894 гг. только через Тюмень в регион прибыло 25473 политических ссыльных (Шиловский, 2004: 170). Еще одним дискуссионным аспектом является оценка роли и значения ссыльных и каторжан в развитии Сибири. Многие авторы указывали на две задачи, которые решало государство с помощью ссылки: «карательную и

* Corresponding author

E-mail addresses: elena@hist.asu.ru (E.A. Brukhanova), niigi@yandex.ru (O.I. Chekryzhova)

колониционную» (Дамешек, Дамешек, 2011), а также рассматривали их в контексте культурных, бытовых и экономических особенностей региона (Зиновьев, 2007; Шиловский, 2004: 169, 171). Актуальными остаются также вопросы расселения арестантов, статистический учет различных категорий ссыльных и их влияние на облик мест водворения.

Тобольская губерния занимала особое место в системе сибирской ссылки и каторги. Во-первых, сначала в Тобольске (1822–1869 гг.), а затем в Тюмени (1869–1904 гг.) располагался Приказ о ссыльных, задачами которого являлись учет и распределение арестантов, ссылаемых в Сибирь на поселение и каторгу (Сальникова, 2011: 319). Во-вторых, к 1893 г. в Тобольске действовали 2 из 3 сохранившихся в Российской империи каторжных тюрем, ликвидация которых в других регионах происходила с середины XIX в. (Дамешек, Дамешек, 2011). В-третьих, на конец XIX в. (1897–1898 гг.) Тобольская губерния оказалась лидером среди сибирских регионов как по контингенту ссыльных в целом – 106093 чел. (всего в Сибири – 298577 чел.) (Саломон, 1900: 137), так и по числу «лишенных свободы и отбывающих наказание» в городах – 2701 чел. (всего заключенных в городах Сибири – 7429 чел., без постов о. Сахалина и административных сел Приморской и Забайкальской областей) (Первая..., 1905: 150-155; Профессии..., 1897; Общий свод..., 1905: 321-323). Тобольск в этом отношении представляется уникальным городом даже для Сибири. По сведениям Первой всеобщей переписи населения Тобольск занимал первое место среди городов по количеству арестантов в тюрьмах (1057 чел.), которые составляли 5,2 % от всего населения города (для сравнения: должностных лиц, занятых на государственной и местной службе, вместе с лицами духовного звания в Тобольске было 833 чел. или 4,1 %) (Первая..., 1905: 150). Такие большие цифры были следствием того, что непосредственно в городе размещалось четыре пенитенциарных учреждения всех трех существовавших в то время в Российской империи категорий: тюремный замок, исполняющий также роль пересыльной тюрьмы, две каторжные тюрьмы и арестантское отделение. В таком контексте особый интерес представляет изучение различных социально-демографических характеристик лиц, содержащихся в местах лишения свободы, и их влияние на облик городского населения в целом.

2. Материалы и методы

Основным источником анализируемых данных являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. К сожалению, несмотря на значительный объем собранных сведений и широкую программу разработки и публикации результатов, официальные итоги переписи содержали сведения только о численности лиц, «лишенных свободы и отбывающих наказание», которые в отдельном издании делились на две группы: «арестанты в тюрьмах» и «ссыльные и ссыльнокаторжные, получающие довольствие от казны». Представители последней группы были зарегистрированы на о. Сахалин (1996 чел.), в Забайкальской (625 чел.) и Якутской (39 чел.) областях, а также в Иркутской (378 чел.) и Енисейской (83 чел.) губерниях (Распределение населения..., 1905: 226-230). Результаты переписи не отразили численность разных категорий ссыльных, поскольку сбор таких данных не входил в ее задачи, и отметка о принадлежности отдельных лиц к категории «ссыльных» ставилась на усмотрение переписчика (Brukhanova, Nezhentseva, 2018: 799). При этом сведения об арестантах собирались полные и подробные, но данные об их социально-профессиональном составе, демографических характеристиках, местах рождения, приписки и т.д. были обработаны и включены в общие таблицы результатов переписи без указания особого статуса. В настоящее время такие сведения доступны только в ее первичных материалах.

Переписные листы переписи 1897 г. по нескольким городам Тобольской губернии, в том числе по Тобольску, сохранились практически полностью в фонде губернского статистического комитета в Государственном архиве в г. Тобольске (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1–38, 732–739, 1374–1392, 1931–1943, 2526–2532, 2810–2815, 3270–3328, 3655–3660). Сведения об арестантах всех четырех тюрем отложились в одном деле (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6). Прежде чем перейти к их анализу, необходимо отметить некоторые особенности сбора и интерпретации данных.

В соответствии со специальной Инструкцией данные по лицам, находящимся в учреждениях, в том числе пенитенциарных, заполнялись в особых переписных листах – «общих перечневых ведомостях», которые отличались титульной страницей и наличием вкладок для внесения сведений на большое число людей. Данные собирались в два этапа: предварительно, за пару недель до контрольной даты переписи, должностными лицами тюрем заполнялись переписные листы, которые впоследствии уточнялись и корректировались «по состоянию» на 28 января (Инструкция..., 1896: 1-2). Такой регламент заполнения отразился на переписных листах тюремного замка, выполняющего роль пересыльной тюрьмы. Так, из 216 записей, внесенных в перечневую ведомость, к моменту переписи были вычеркнуты полностью 47 (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 32-52). Возможно, эти люди были отправлены далее, к месту отбывания наказания, или переведены в другую тюрьму.

Сотрудники тюрем, выполнявшие работу переписчиков, по-разному относились к своей задаче, поэтому полнота сведений несколько отличается. Наибольшее число разночтений встречается в графах, содержащих данные о месте рождения, приписки, проживания, что затрудняет работу с этой информацией. Например, составитель перечневой ведомости в каторжной тюрьме № 2 не заполнил графу «Место приписки» у значительной части заключенных: эти данные отсутствуют для 249 из

334 заключенных (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 101-132). Мало сведений и о месте их пребывания. Анализ особенностей заполнения переписных листов позволяет предположить, что переписчик не указывал место проживания, если оно совпадало с местом рождения, поскольку на первых двух страницах перечневой ведомости все графы заполнены полностью, а с третьей страницы и далее графы «место приписки» и «место проживания» заполняются выборочно.

Еще одна особенность обусловлена тем, что сведения в переписные листы заносились «со слов» и по Положению о переписи (Положение..., 1895: 398) для их подтверждения не должны были привлекаться никакие документы. В связи с этим в графах о местах рождения и приписки встречались топонимы, которые трудно интерпретировать из-за ошибок и искажений. Например, указывался уезд из другой губернии (например, Полтавская губерния, Белгородский уезд) или такое название, которое не удалось соотнести с какой-либо административной единицей (например, Жешевская губерния, Низинский уезд). В этих случаях следует учитывать и возможность такого явления, как «подмена» заключенных. По сведениям исследователей, недостаточное системное делопроизводство учета арестантов приводило к тому, что они менялись именами, и данные, сообщаемые ими, оставались далеки от достоверности (Михеев, 2005: 218). Из общего числа записей проблемы с идентификацией мест рождения, проживания или приписки возникли не более чем в 1,5 % случаев.

Кроме переписи 1897 г. источниками для исследования выступили губернаторские отчеты и обзоры Тобольской губернии за 1895–1898 гг., сведения ведомственной статистики, опубликованные в «Тюремном вестнике», а также материалы специального обследования ссылки и каторги в Сибири, предпринятого Главным тюремным управлением Российской империи в 1898–1899 гг. (Саломон, 1900).

В целом представленные источники позволяют провести анализ такой категории населения города Тобольска, как заключенные, с учетом целого ряда показателей: социально-демографических характеристик, мест рождения и приписки, занятости и т.п.

При подготовке статьи были использованы методы историко-статистического, компаративного и пространственного анализа. Интерпретация и визуализация данных осуществлялась с помощью информационных технологий, в частности средствами программы MapInfo и двух баз данных по материалам переписи 1897 г.: 1) по переписным листам городского населения Сибири и 2) по статистическим данным о занятости населения Российской империи.

3. Обсуждение

Традиционно высокий интерес исследователей к тематике сибирской ссылки и каторги обусловил довольно широкий круг использованных работ. Обзор публикаций показал значимость рассматриваемых вопросов не только на региональном (Е.И. Соловьева, М.В. Шиловский, А.Д. Марголис), но и на всероссийском (Е.В. Нефедовская) и даже международном уровнях (S. Badcock, J. Pallot, Ch. G. De Vito, C. Anderson, U. Bosma). Об актуальности темы свидетельствует ряд крупных проектов, посвященный историческим аспектам системы наказаний в разных регионах. Например, в 2013–2018 гг. Международным институтом социальной истории и Институтом исследований войны, холокоста и геноцида в Амстердаме реализовывалась программа «Четыре века трудовых лагерей: война, реабилитация, этническая принадлежность», частью которой было изучение каторги и ссылки в Сибири (Four Centuries..., 2014).

Для нашего исследования особый интерес представляли работы, посвященные собственно пенитенциарным учреждениям в Тобольской губернии конца XIX – начала XX вв. (О.Н. Бортникова, А.П. Михеев, Zh. Porova), а также юридическим и историческим вопросам системы наказаний в России (Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек).

А.П. Михеевым рассматривались организация мест заключения в Тобольской губернии конца XIX в., режим содержания заключенных и формирование кадрового состава тобольских тюрем (Михеев, 2005). Вопросы принципа маршрутизации ссыльнокаторжных, распределения заключенных, формирование своего рода «специализации» каторжных тюрем в Российской империи в контексте решения вопроса колонизации Сибири подробно анализировались в работе Ж. Поповой (Porova, 2018). Содержание, быт, трудовое и духовно-нравственное воспитание заключенных каторжных тюрем, осужденных за наиболее тяжкие преступления в Российской империи конца XIX в., изучались О.Н. Бортниковой.

Следует отметить, что исследователями уделялось мало внимания социально-демографическим характеристикам заключенных, что, возможно, обусловлено переменным составом арестантов тюрем, а также содержанием использованной ими источниковой базы. Обнаруженные нами переписные листы переписи 1897 г. содержат единовременный и чрезвычайно информативный срез данных по лицам, находящимся на момент переписи в пенитенциарных учреждениях г. Тобольска, что существенно расширяет возможности исследования.

4. Результаты

Размещение арестантов в тюрьмах осуществлялось в установленном законом порядке (Устав, 1890: 595), согласно которому они подразделялись по родам преступлений, полам, возрастам. Нарушения правил размещения допускались лишь в случае содержания в пересыльных тюрьмах (Обзор..., 1897: 14). В Тюремном замке Тобольска отбывали наказание по общеуголовным статьям срочного разряда по приговорам судов сроком от двух месяцев до двух лет. Кроме того, он использовался для пребывания пересыльных. Исправительное арестантское отделение предназначалось для содержания арестантов срочной категории: исключительно мужчин в возрасте от 17 до 60 лет, осужденных на срок до 6 лет, независимо от статьи обвинения. Каторжные тюрьмы Тобольска предназначались для содержания осужденных на каторжные работы по первому (от 20 лет до бессрочного) и второму разряду на срок от 8 до 20 лет (Устав, 1890: 595).

На 28 января 1897 г. в переписные листы были внесены сведения о 1113 чел., в том числе в Тобольском тюремном замке – о 215 чел., в каторжной тюрьме № 1 – о 351 чел., в каторжной тюрьме № 2 – о 334 чел., в исправительном арестантском отделении – о 213 чел. (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6). Приведенные цифры стали основой дальнейших расчетов для характеристики социально-демографических показателей арестантов тобольских тюрем по 3 группам. В первую нами включены «демографические» характеристики: гендерный и возрастной состав, семейное положение, вероисповедание и родной язык. Во вторую – данные о социальной идентификации и миграции/маршрутизации заключенных отдельных тюрем. Третья группа содержит сведения о занятиях заключенных по материалам переписи 1897 г.

По гендерному и возрастному составу тюрьмы имели следующие характеристики. В тобольских каторжных тюрьмах содержались мужчины в возрасте от 17 до 75 лет, в исправительном отделении также мужчины с 22 до 62 лет. На рисунке 1 представлено распределение заключенных тобольских тюрем по возрастным группам. Тюремный замок существенно отличался по этим характеристикам от других пенитенциарных учреждений города. В замке и пересыльной тюрьме содержалось 189 мужчин и 26 женщин в возрасте от 1 месяца до 87 лет. В этом учреждении содержались 6 семей с 9 малолетними детьми обоего пола (до 18 лет), сопровождающие отцов и матерей к месту отбывания наказания. Например, вместе с ссыльным крестьянином Яном П. следовали к месту ссылки его жена Петрония и трое детей: два мальчика 11 и 5 лет и девочка 9 лет (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 43). В семье крестьянина Пензенской губернии Ивана В. уже в Тобольске родился второй ребенок, что следует из указания в графе «место рождения» – родил в Тобольске, тогда как у родителей и старшего ребенка местом рождения указана Пензенская губерния (ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 44). Средний возраст заключенных составил 38,5 лет. В целом мужчины, являвшиеся заключенными тобольских тюрем, составили 14 % всего трудоспособного населения города на начало 1897 г. (Профессии..., 1897).

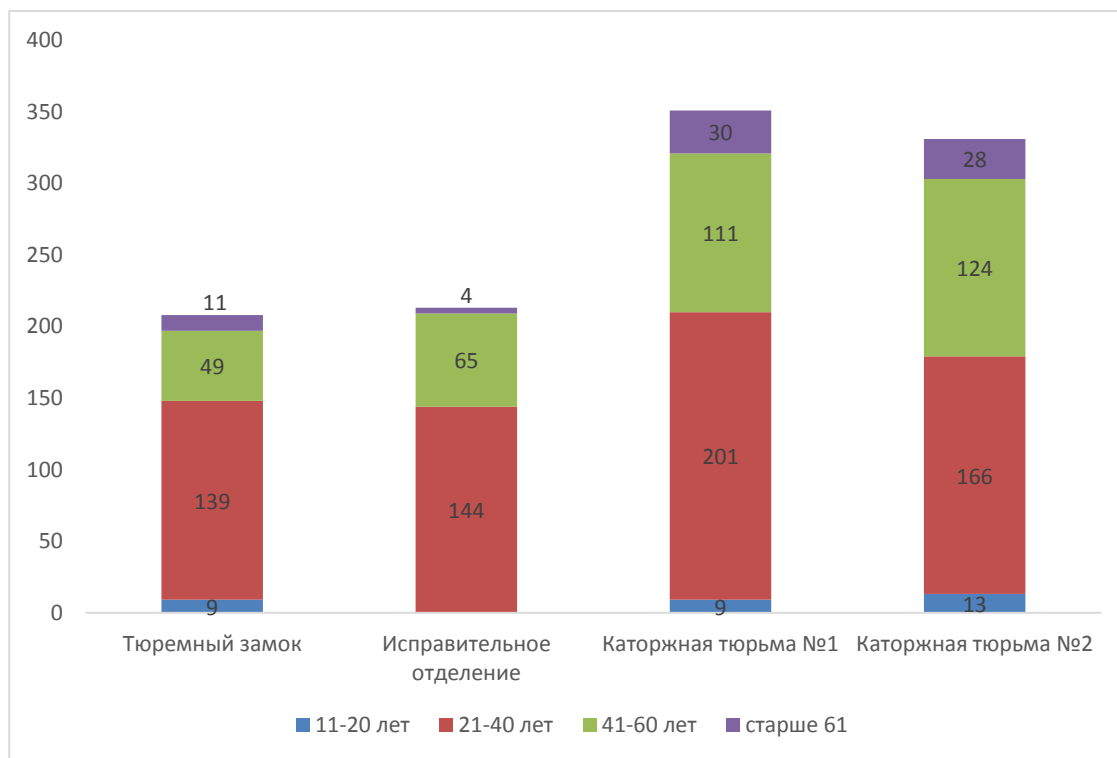

Рис. 1. Численность и распределение заключенных тобольских тюрем по возрастным группам (по материалам переписи 1897 г.)

По семейному состоянию 47,5 % заключенных были женаты, 42,3 % – холосты, 10,1 % числились вдовцами и 1 мужчина был разведен. Существенных отличий между тюрьмами замечено не было: немного выше оказалась доля женатых в каторжных тюрьмах (50,7 и 53,3 %), а холостых – в тюремном замке (52,6) и исправительном отделении (50,7 %).

Большая часть заключенных Тобольска была православной (62,9 %), которая в качестве родного языка указала русский, «малоросский», греческий, армянский, цыганский, мордовский, осетинский. При этом русские и малороссы составляли 62,4 % от исповедовавших православие. Распределение арестантов по тюрьмам и религиям представлено на [Рисунке 2](#).

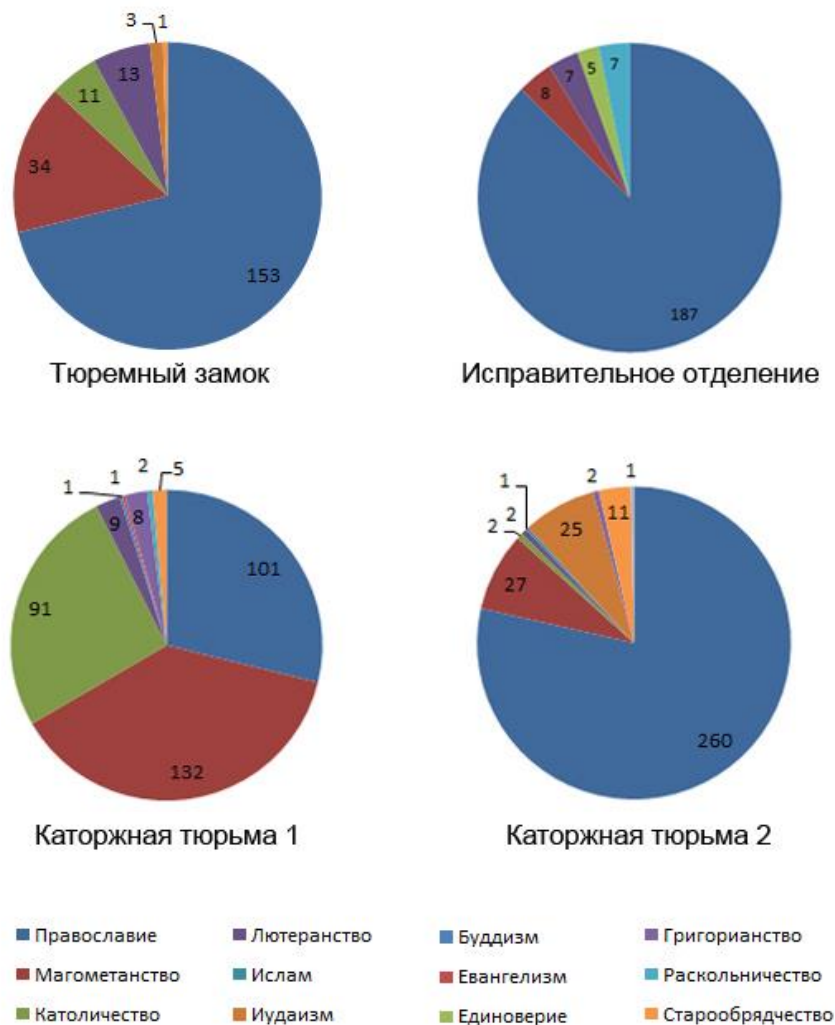

Рис. 2. Распределение заключенных тобольских тюрем по вероисповеданиям (по материал переписи 1897 г.)

По рассматриваемым показателям каторжная тюрьма № 1 выделялась тем, что 38 % заключенных исповедовали магометанство и говорили на сартском (15 %), татарском (13 %), черкесском (9 %), иранском (1 %) языках. В целом заключенные, исповедующие магометанство, составляли 50 % от общего числа мужчин-мусульман в городе Тобольске в конце XIX в. ([Первая..., 1905: 75](#)). Для возможной интерпретации таких результатов были проанализированы данные о месте проживания заключенных-магометан до момента осуждения, приведенные в переписных листах. Так, 37 % были выходцами из Самаркандской и Ферганской областей. Можно предположить, что часть этих арестантов участвовала в восстании против правительства в Средней Азии, о котором упоминал А.П. Михеев ([Михеев, 2006: 132](#)).

Сведения переписных листов о местах рождения, приписки, постоянного проживания отражают, с одной стороны, миграционные процессы в губернии (сопоставление мест рождения и приписки), с другой – на основе данных о месте постоянного проживания можно увидеть как пути маршрутизации заключенных, так и особенности специализации тюремных учреждений. Например, в исправительном отделении содержалось исключительно приписное население Тобольской губернии, даже в том случае, если постоянным местом проживания были указаны другие города: Красноярск (1 чел.), Томск (1 чел.),

Омск (1 чел.). Стоит отметить, что место приписки указывалось не во всех случаях. Так, в ведомости каторжной тюрьмы № 2 эта графа оказалась пустой, а в переписных листах тюремного замка, из обитателей которого 61 % постоянно проживал в Тобольской губернии, часто встречается запись «не распределен», что, вероятно, отражает приписку к месту отбывания наказания.

Как уже отмечалось, тюремный замок совмещал место заключения для осужденных по общеуголовным статьям на срок до двух лет и место для пересыльных. Никаких специальных отметок о статусе конкретного человека, включенного в перечневую ведомость, не содержалось. Даже в отчетах Главного тюремного управления говорилось о трудностях с выделением из общего числа заключенных отдельных категорий. Статистика того времени опиралась на подсчеты заключенных в учреждении определенного типа или по видам преступления, а совместное содержание в учреждениях типа «тюремные замки» не позволяло провести точный учет разных групп заключенных (Отчет..., 1896: 542). В этом отношении особый интерес представляет анализ данных графы «место приписки» как своеобразного «маркера» в определении «пересыльных» и «постоянных» обитателей тобольского тюремного замка. Из содержащихся в нем 213 чел. в графе «место приписки» у 87 чел. указана формулировка «не распределен», «еще не приписан», «ссылнокаторжный не распределен» и т.п., что дает нам основание для отнесения этих людей к категории пересыльных. Кроме того, к ней вполне можно отнести тех, у кого места приписки обозначены следующим образом: «распределен в Иркутскую губернию» – 3 чел. и «Распределен в Енисейскую губернию» – 5 чел. Таким образом, к категории пересыльных, содержащихся на момент переписи в тюремном замке г. Тобольска, можно отнести около 95 чел., включая членов их семей, следующих к месту ссылки за мужем, отцом или матерью. В то же время определено 113 чел., чье место приписки в переписном листе указано как «Тобольская губерния». Они, вероятно, составляют категорию отбывающих наказание сроком до двух лет. У двух человек в графе о приписке указано «бродяга» и у 5 – другие губернии европейской части Российской империи. В целом же распределение по месту приписки может дать основание для выделения из общего числа заключенных тех, кто находился здесь временно, и тех, для кого тюремный замок является местом отбывания наказания.

Анализ пространственно-географических данных обитателей каторжных тюрем возможен только по графе «место рождения» как наиболее полно и качественно заполненной. В каторжных тюрьмах содержались выходцы из 76 губерний, причем из 2 сибирских губерний (Томской и Тобольской) было только 5 чел. Наибольшее количество каторжан прибыло из Ферганской области (38 чел.), Бакинской губернии (31 чел.), Пермской (28 чел.), Киевской (25 чел.), Елисаветпольской (22 чел.), Петраковской и Самаркандской (по 19 чел.) губерний. Для визуализации данных с помощью программы MapInfo была сформирована карта-схема губерний «выхода» обитателей тобольских каторжных тюрем, представленная на [Рисунке 3](#).

На карте-схеме видно, что в каторжных тюрьмах содержались выходцы почти из всех губерний Европейской России, Привислинских губерний и Кавказа. При этом сопоставление с агрегированными данными (Первая..., 1905: 38, 42) показало, что арестанты (из всех тюрем) составляли 83 % всех выходцев с Кавказа и Привислинских губерний.

Изучение данных о социальной принадлежности представляет большой интерес для исследования самосознания арестантов. Дело в том, что сведения в переписные листы записывались «со слов» и, по сути, отражали самоидентификацию людей, участвовавших в переписи. Анализ данных о сословной принадлежности показал, что подавляющее большинство обитателей пенитенциарных учреждений Тобольска в 1897 г. были крестьянами. Максимальная доля крестьянства наблюдалась среди обитателей каторжной тюрьмы № 1 – 88 %. Однако и в других учреждениях процент крестьян был высок – более 53 %. Доля мещан составляла по разным учреждениям от 6 до 24 %. В среднем доля крестьян по всем тюрьмам составила 76,6 %, доля мещан – 18,6 %. Из всех крестьян-мужчин, проживавших в Тобольске на рубеже XIX–XX вв., заключенные составляли пятую часть или 20 %, а из мещан только – 5,6 % (Первая..., 1905: 46-47). Остальные сословия были представлены слабо: во всех учреждениях было всего 12 дворян, потомственных граждан, чиновников и лиц духовного звания.

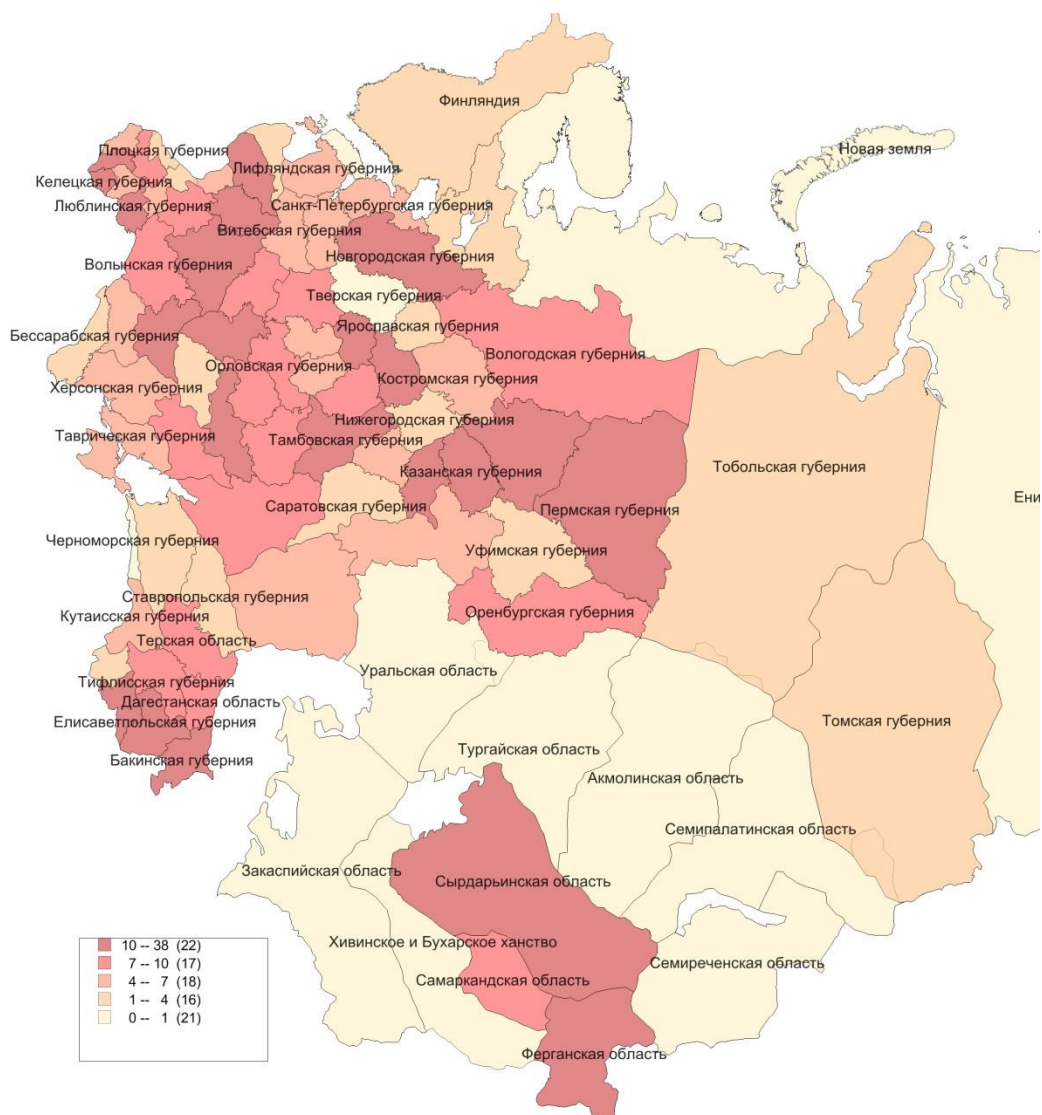

Рис. 3. Губернии «выхода» (место рождения) заключенных тобольских тюрем по материалам переписи 1897 г.

При этом стоит отметить, что 58,4 % (650 чел.) заключенных вместе со своим сословием по рождению отметили свою принадлежность к «ссылным», «ссылнокаторжанам», «ссылнопоселенцам». А 69 обитателей тюремного замка (32,3 %) вовсе не указали свое сословие, назвав себя «ссылнокаторжанами» и «ссылнопоселенцами» в соответствии с категориями ссылных по Уставу (Устав..., 1890: 595). Одной из возможных версий такой фиксации данных является предположение о том, что указание социального статуса «ссылный» соотносилось со статусом пересыльной тюрьмы, и такие записи были сделаны переписчиком для «разграничения» пересыльных и постоянно пребывающих в тюремном замке заключенных, а не инициированы опрашиваемым лицом. Вместе с тем стоит отметить, что разделение ссылных на группы и их отражение в переписных листах было весьма условным. Так, можно встретить такие записи, как «ссылнокаторжный из ссылнопоселенцев», или правки в записях: «крестьянин из ссылных» зачеркнуто, записано «ссылнокаторжник». В целом категории ссылных, встречающиеся в переписных листах 1897 г. по тюремным учреждениям Tobolska, представлены в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Категории ссыльных в тюремных учреждениях г. Тобольска (по материалам переписи 1897 г.)

Категории ссыльных, сословия и социальные группы	Количество человек
Ссыльные,	271
в том числе:	
крестьяне	210
мещане	61
Ссыльнокаторжане,	425
в том числе:	
крестьяне (казаки и солдатские дети)	338
мещане	23
дворяне	5
инородцы	5
Другие сословия и социальные группы (священник, бродяга, уроженцы других стран)	5
Ссыльнопоселенцы,	28
в том числе:	
крестьяне	3
мещане	1
Всего	724

Сведения о профессиональном составе заключенных тюрем Тобольской губернии, представленные в переписных листах, оказались малоинформативными, т.к. отражали занятие, которым человек занимался до заключения. В среднем свыше половины заключенных (от 42 до 62 %) являлись земледельцами-хлебопашцами, также были ремесленники (около 20 %), рабочие (13 %), служащие в торговле (8 %). Тем не менее в отчетах Главного тюремного управления указывалось, что заключенные в Тобольске привлекались как к различным черным работам по уборке улиц, вывозу снега и т.п., так и к квалифицированному труду. Примером квалифицированного труда служит организация в 1896 г. суконной фабрики при каторжной тюрьме № 1 по приказу нового начальника Главного тюремного управления Н.М. Богдановича. Идея устройства суконного производства принадлежала смотрителю тюрьмы А.Э. фон Гофланду, когда в 1895 г. в тюрьму прибыли несколько бывших рабочих Лодзинской суконной фабрики, благодаря таланту которых удалось наладить производство ([Обзор деятельности..., 1897: 177](#)). В каторжной тюрьме № 1 содержались два каторжника из города Лодзь, оба поляки по национальности: Ковальский Антон Яценъевич, 32 года ([ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 75](#)), и Олейничак Матвей Осипович, 36 лет ([ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 6. Л. 83](#)), однако в графах «занятие основное» и «занятие побочное» у одного из них указано хлебопашец, у другого – приказчик в торговле, о причастности к занятию суконным делом никаких упоминаний в переписных листах нет. Из остальных 15 выходцев Петраковской губернии, в которой расположен город Лодзь, есть запись о «работнике фабричной части» мещанине Голембиовском Адаме Людвиновиче, 29 лет, но занятость остальной части заключенных также указана как хлебопашество. На каторжной суконной фабрике через год после открытия, т.е. как раз в период проведения переписи, по приказу начальника тюрьмы только ткачами работало 80 чел. и еще привлекались заключенные для вспомогательных работ ([Бортникова, 1997: 64](#)). Более того, в Обзоре деятельности Тобольской губернской тюремной инспекции отмечалось, что на ручном сукновальном производстве работали преимущественно уроженцы Кавказа, что «благотворно сказывалось не только на перевоспитании, но и на снижении заболеваемости чахоткой» ([Обзор деятельности..., 1897: 175](#)). К сожалению, достоверно выявить среди заключенных бывших работников Лодзинской суконной фабрики не удалось.

В целом материалы переписи 1897 г. позволяют дать комплексную характеристику заключенных тобольских тюрем на рубеже XIX–XX вв. как отдельной группы городского населения.

5. Заключение

В опубликованных результатах самого крупного статистического мероприятия рубежа XIX–XX вв. – Первой всеобщей переписи населения 1897 г. – сведения о заключенных представлены только в одной группе «Лишенные свободы и отбывающие наказание», включенной в таблицы «Распределение населения по группам занятий» ([Первая..., 1905: 150-155](#)). В связи с особенностями региона в работах, посвященных различным аспектам истории Сибири, заключенные часто рассматривались исследователями как специфичная социально-профессиональная группа ([Скубневский, Гончаров, 2003: 144-150](#), [Bryukhanova, Vladimirov, 2017: 66](#)). Но по статистическим данным можно получить обобщенные сведения только о возрастном составе и родном языке

арестантов. Другие собранные переписью показатели либо не вошли в программу разработки (места приписки и постоянного проживания, категории ссыльных, предыдущей занятости), либо «растворились» в данных других таблиц (сословие, вероисповедание и др.). Сохранившиеся первичные материалы переписи позволили провести подробный анализ обитателей тюрем по всем социально-демографическим показателям.

Сопоставление агрегированных данных по городу Тобольску и первичных материалов переписи 1897 г. по заключенным всех четырех тюрем позволило сделать выводы как об особенностях использования статистических данных, так и о роли арестантов в социально-демографической структуре городского населения. В целом на момент переписи 1897 г. арестанты составили 14 % от всего трудоспособного населения; 50 % от общего числа мужчин-мусульман; заметную долю мужчин – представителей отдельных языковых групп (54 % малороссов, около 30 % евреев, немцев, татар); значительную долю лиц (89 %), которые в агрегированных данных представлены как «прочие», например сарты, иранцы, черкесы; практически формировали показатели «выходцев» из губерний Кавказа (83 %) и Привислинских губерний (82 %).

Приведенные примеры подтвердили существенное влияние заключенных на социально-демографический «портрет» сибирского города на рубеже XIX–XX вв. Кроме того, отмеченные особенности статистических сведений переписи 1897 г. по городу Тобольску следует, на наш взгляд, учитывать при проведении различных направлений исторических исследований. Таким образом, заключенных по совокупности показателей можно рассматривать как отдельную социальную группу городского населения Сибири на рубеже XIX–XX вв.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10020 «Урбанизационные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв.: комплексный подход к анализу городского населения по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.»

Литература

Бортникова, 1997 – *Бортникова О.Н.* Каторжная суконная фабрика (1896–1906) в Тобольской каторжной тюрьме // Соловецкие чтения – 96. Тюмень, 1997. С. 63-64.

Бортникова, 1998 – *Бортникова О.Н.* Магометане Кавказа в Тобольской ссылке и тюрьме // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», 14–18 декабря 1998. Тобольск, 1998.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Дамешек, Дамешек, 2011 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ссылка и каторга в имперском законодательстве // *Сибирская ссылка*. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18). С. 66-91.

Зиновьев, 2007 – *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007.

Инструкция..., 1896 – Инструкция для производства переписи в зданиях ведомства Императорского Двора, военного и морского, а также в казенных и общественных учреждениях и заведениях, в тюрьмах и лечебных заведениях, в частных благотворительных учреждениях и в учебных заведениях, приютах и богадельнях. Утверждена Министерством внутренних дел 21.09.1896.

Марголис, 1978 – *Марголис А.Д.* Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1978.

Михеев, 2005 – *Михеев А.П.* Тюрьмы общего устройства и арестантские отделения Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2005. № 11. С. 217-226.

Михеев, 2006 – *Михеев А.П.* Террористы на тобольской каторге накануне и в годы Первой российской революции // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2006. № 12. С. 129-147.

Нефедовская, 2013 – *Нефедовская Е.В.* К вопросу о значении каторги и ссылки в российской жизни XIX – начала XX вв. // *Современная научная мысль*. 2013. № 3. С. 40-48.

Обзор деятельности..., 1897 – Обзор деятельности Тобольской тюремной инспекции за первый год (с 1 ноября 1895 года) // *Тюремный вестник*. 1897. № 4. С. 175-185.

Обзор..., 1897 – Обзор Тобольской губернии за 1896 год. Тобольск, 1897.

Общий свод..., 1905 – Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 2. СПб., 1905.

Отчет..., 1896 – Отчет по главному тюремному управлению за 1894 год // *Тюремный вестник*. 1896. №10.

Первая..., 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXVIII (78) Тобольская губерния. СПб., 1905.

Положение..., 1895 – Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи, утвержденное 5 июня 1895 года // Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. Т. 15. СПб., 1899. С. 397-403.

Профессии..., 1897 – Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/>

Распределение населения..., 1905 – Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. IV. СПб., 1905.

Саломон, 1900 – Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900.

Сальникова, 2011 – Сальникова Е.С. Путь следования ссыльных в Восточную Сибирь во второй половине XIX века // *Вестник Иркутского государственного технического университета. История и археология*. 2011. № 1 (48). С. 319-323.

Скубневский, Гончаров, 2003 – Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Сибири во второй половине XIX – начала XX в. Ч. I: Население, экономика. Барнаул, 2003.

Соловьева, 1983 – Соловьева Е.И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // *Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.)*. Новосибирск, 1983. С. 214-226.

Устав..., 1890 – Устав о ссыльных. Изд. 1890 // *Собрание законов Российской империи*. Т. 14. СПб., 1890.

Шиловский, 2004 – Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX веков // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века*. Новосибирск, 2004. С. 165-173.

Badcock, Pallot, 2018 – Badcock S., Pallot J. Russia and Soviet Union from Nineteenth to the Twenty-First Century // *A Global History of Convicts and Penal Colonies*. London, 2018. Pp. 271-306.

Brukhanova, Nezhentseva, 2018 – Brukhanova E.A., Nezhentseva N.V. Opinions about the First 1897 General Population Census in the Russian Empire Expressed in Regional Periodicals and Records Management Documents // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 794-803.

Bryukhanova, Vladimirov, 2017 – Bryukhanova E., Vladimirov V. Urban occupations in a Siberian city (Tobolsk, 1897) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 1. Pp. 56-73.

De Vito al., 2018 – De Vito Ch.G., Anderson C., Bosma U. Transportation, Deportation and Exile: Perspectives from the Colonies in the Nineteenth and Twentieth Centuries // *International Review of Social History*. 2018. Vol. 63. Is. S26. Pp. 1-24. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859018000196>

Four Centuries..., 2014 – Four Centuries of Labor Camps. War, Rehabilitation, Ethnicity (2014-2019) // NIOD: Institute for War, Holocaust and Genocide Studies. [Electronic resource]. URL: <https://www.niod.nl/en/projects/four-centuries-labor-camps-war-rehabilitation-ethnicity>

Popova, 2018 – Popova Zh. Exile as Imperial Practice: Western Siberia and the Russian Empire, 1879–1900 // *International Review of Social History*. 2018. Vol. 63. Is. S26. Pp. 131-150.

References

Badcock, Pallot, 2018 – Badcock, S., Pallot, J. (2018). Russia and Soviet Union from Nineteenth to the Twenty-First Century. *A Global History of Convicts and Penal Colonies*, London, pp. 271-306.

Bortnikova, 1997 – Bortnikova, O.N. (1997). Katorzhnaya sukonnaya fabrika (1896-1906) v Tobol'skoi katorzhnoi tyur'me [Convict cloth factory (1896-1906) in the Tobolsk convict prison]. *Solovetskie chteniya* – 96, Tyumen. Pp. 63-64. [in Russian]

Bortnikova, 1998 – Bortnikova, O.N. (1998). Magometryane Kavkaza v Tobol'skoi ssylke i tyur'me [Mohammedians of the Caucasus in Tobolsk exile and prison]. *Sibirskie tatary: Materialy I Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»*, 14–18 dekabrya 1998. Tobol'sk. [in Russian]

Brukhanova, Nezhentseva, 2018 – Brukhanova, E.A., Nezhentseva, N.V. (2018) Opinions about the First 1897 General Population Census in the Russian Empire Expressed in Regional Periodicals and Records Management Documents. *Bylye Gody*, 48(2): 794-803.

Bryukhanova, Vladimirov, 2017 – Bryukhanova, E., Vladimirov, V. (2017). Urban occupations in a Siberian city (Tobolsk, 1897). *Quaestio Rossica*. 1(5): 56-73.

Dameshek, Dameshek, 2011 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2011). Ssylka i katorga v imperskom zakonodatel'stve [Exile and hard labor in imperial law]. *Sibirskaya ssylka*. Irkutsk. V. 6 (18). pp. 66-91. [in Russian]

De Vito al., 2018 – De Vito, Ch. G., Anderson, C., Bosma, U. (2018). Transportation, Deportation and Exile: Perspectives from the Colonies in the Nineteenth and Twentieth Centuries. *International Review of Social History*. 63(S26): 1-24. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859018000196>

Four Centuries..., 2014 – Four Centuries of Labor Camps. War, Rehabilitation, Ethnicity (2014-2019). NIOD: Institute for War, Holocaust and Genocide Studies. [Electronic resource]. URL: <https://www.niod.nl/en/projects/four-centuries-labor-camps-war-rehabilitation-ethnicity>

GAT – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State archive in Tobolsk city].

Instruktsiya..., 1896 – Instruktsiya dlya proizvodstva perepisi v zdaniyakh vedomstva Imperatorskogo Dvora, voennogo i morskogo, a takzhe v kazennykh i obshchestvennykh uchrezhdeniyakh i zavedeniyakh, v tyur'makh i lechebnykh zavedeniyakh, v chastnykh blagotvoritel'nykh uchrezhdeniyakh i v uchebnykh

zavedenyakh, priyutakh i bogadel'nyakh. Utverzhdena Ministerstvom vnutrennikh del 21.09.1896. [Instructions for the production of a census in the buildings of the department of the Imperial Court, military and naval, as well as in state and public institutions and institutions, in prisons and medical institutions, in private charitable institutions and in educational institutions, shelters and almshouses. Approved by the Ministry of Internal Affairs 21.09.1896]. [in Russian]

Margolis, 1978 – *Margolis, A.D.* (1978). Sistema sibirskoi ssylki i zakon ot 12 iyunya 1900 goda [The system of Siberian exile and the law of June 12, 1900]. Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri. XVIII – nachalo XX v. Novosibirsk. [in Russian]

Mikheev, 2005 – *Mikheev, A.P.* (2005). Tyur'my obshchego ustroistva i arestantskie otdeleniya Tobol'skoi gubernii v kontse XIX-nachale XX vv. [General prisons and detention departments of the Tobolsk province in the late 19th and early 20th centuries]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 11: 217-226. [in Russian]

Mikheev, 2006 – *Mikheev, A.P.* (2006). Terroristy na tobol'skoi katorge nakanune i v gody I rossiiskoi revolyutsii [Terrorists in Tobolsk penal servitude on the eve and during the first Russian revolution]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 12: 129-147. [in Russian]

Nefedovskaya, 2013 – *Nefedovskaya, E.V.* (2013). K voprosu o znachenii katorgi i ssylki v rossiiskoi zhizni XIX – nachala XX vv. [On the question of the meaning of hard labor and exile in Russian life in the 19th – early 20th centuries]. *Sovremennaya nauchnaya mys'*. 3: 40-48. [in Russian]

Obshchii svod..., 1905 – Obshchii svod po Imperii rezul'tatov razrabotki, dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 goda [Total Results Of 1897 Population Census Taken In The Russian Empire On January 28, 1897]. V. 2. SPb., 1905. [in Russian]

Obzor deyatel'nosti..., 1897 – Obzor deyatel'nosti Tobol'skoi tyuremnoi inspektsii za pervyi god (s 1 noyabrya 1895 goda) [Review of the activities of the Tobolsk Prison Inspectorate for the first year (from November 1, 1895)]. *Tyuremnyi vestnik*. 4: 175-185. [in Russian]

Obzor..., 1897 – Obzor Tobol'skoi gubernii za 1896 god [Overview of the Tobolsk province for 1896]. Tobol'sk, 1897. [in Russian]

Otchet..., 1896 – Otchet po glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1894 god [General Prison Administration Report 1894]. *Tyuremnyi vestnik*. 1896, 10. [in Russian]

Pervaya..., 1905 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. LXXVIII (78) Tobol'skaya guberniya [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. LXXVIII (78) Tobolsk province]. SPb., 1905. [in Russian]

Polozhenie..., 1899 – Polozhenie o Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii, utverzhdennoe 5 iyunya 1895 goda [The First General Census of the Russian Empire Regulations, approved on June 5, 1895]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Vol. 15, SPb., 1899, pp. 397-403. [in Russian]

Popova, 2018 – *Popova, Zh.* (2018). Exile as Imperial Practice: Western Siberia and the Russian Empire, 1879–1900. *International Review of Social History*. 63(S26): 131-150.

Professii..., 1897 – Professii i zanyatiya naseleniya Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX veka. Analiz dannykh Pervoi vs Rossiiskoi perepisi naseleniya 1897 goda [Russian Empire Occupations in the Late 19th-Early 20th Centuries. First All-Russia 1897 Census]. [Electronic resource]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/> [in Russian]

Raspredelenie naseleniya, 1905 – Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym territorial'nym raionam [Distribution Of Population By Primary Occupations And Age Groups Throughout Different Regions] V. IV. SPb., 1905. [in Russian]

Sal'nikova, 2011 – *Sal'nikova, E.S.* (2011). Put' sledovaniya ssyl'nykh v Vostochnuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX veka [The route of the exiles to Eastern Siberia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Istoriya i arkheologiya*. 1(48): 319-323. [in Russian]

Salomon, 1900 – *Salomon, A.P.* (1900). Ssylka v Sibir': ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya [Exile to Siberia: an outline of its history and current situation]. SPb. [in Russian]

Shilovskii, 2004 – *Shilovskii, M.V.* (2004). Rol' katorgi i ssylki v zaselenii i osvoenii Sibiri v XIX – nachale XX vekov [The role of hard labor and exile in the settlement and development of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. *Sibirskii plavil'nyi kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoi Azii XVI – nachala XX veka*. Novosibirsk, pp. 165-173. [in Russian]

Skubnevskii, Goncharov, 2003 – *Skubnevskii, V.A., Goncharov, Yu.M.* (2003). Goroda Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachala XX v. Ch. I: Naselenie, ekonomika [Cities of Siberia in the second half of the XIX – early XX century. Part I: Population, economy]. Barnaul. [in Russian]

Solov'eva, 1983 – *Solov'eva, E.I.* (1983). Rasselenie i polozhenie ssyl'nykh v Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [Resettlement and position of exiles in Siberia in the second half of the 19th century]. *Politicheskie ssyl'nye v Sibiri* (XVIII – nachalo XX v.) [Political exiles in Siberia (XVIII – early XX centuries)]. Novosibirsk, pp. 214–226. [in Russian]

Ustav..., 1890 – Ustav o ssyl'nykh. Izd. 1890 [The Charter of the Exiles. Ed. 1890]. Complete collection of laws of the Russian Empire, V. 14, SPb, 1890. [in Russian]

Zinov'ev, 2007 – Zinov'ev, V.P. (2007). Industrial'nye kadry staroi Sibiri [Industrial cadre personnel of old Siberia]. Tomsk. [in Russian]

Заключенные тобольских тюрем в конце XIX в.: социально-демографический портрет по материалам переписи 1897 г.

Елена Александровна Брюханова ^{a, *}, Оксана Ивановна Чекрыжова ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Сибирь в XIX в. устойчиво называлась «краем ссылки», что было обусловлено необходимостью решения важнейшей государственной задачи – колонизации окраин. Принудительное переселение оказывало существенное влияние как на структуру населения региона, так и на экономическое и культурное развитие территорий. К концу XIX в. только в Сибири остались крупнейшие каторжные тюрьмы в Тобольске и Иркутске. В таком контексте изучение различных аспектов системы ссылки и пенитенциарных учреждений Сибири является актуальным для исторических исследований.

В статье представлен анализ заключенных тобольских тюрем как особого социального элемента городского населения рубежа XIX–XX вв. Стоит отметить, что в Тобольске в этот период размещалось четыре пенитенциарных учреждения всех трех существующих в то время в Российской империи категорий: тюремный замок, исполняющий также роль пересыльной тюрьмы, две каторжные тюрьмы и арестантское отделение.

Основным источником данных стали первичные и статистические материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В переписных листах сохранились уникальные и достаточно полные сведения о заключенных всех тюрем города Тобольска, что позволило подробно рассмотреть целый ряд социально-демографических показателей арестантов: гендерный и возрастной состав, семейное положение, вероисповедание и родной язык, данные о социальной и профессиональной идентификации, сведения о миграции и/или маршрутизации каторжан.

Сопоставление общих характеристик обитателей тюрем и городского населения по материалам переписи 1897 г. подтвердило существенное влияние заключенных на социально-демографический «портрет» города по ряду показателей, таких как численность мужского трудоспособного населения, лиц, исповедующих магометанство, выходцев из других губерний, что, на наш взгляд, следует учитывать при проведении различных направлений исторических исследований. Таким образом, заключенных по совокупности показателей можно рассматривать как отдельную социальную группу городского населения Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: арестанты, каторжная тюрьма, социальная структура, город, перепись 1897, ГИС, Тобольск, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elena@hist.asu.ru (Е.А. Брюханова), niigi@yandex.ru (О.И. Чекрыжова)